

«Сов. культура», 1975, 26 дек

4

Его звали Карлом Росси, и в его жилах текла итальянская кровь. Фамилия Росси связана с итальянским словом «россе» — «красный». Но мне хочется понять эту фамилию — Росси — не этимологически, а по созвучию с нашими словами «росский», «российский»: потомок итальянцев стал великим российским зодчим.

Любопытно, если бы К. И. Росси пришлось заполнять нашу, современную анкету, в графе «профобразование» он проставил бы: «самоучка». Как говорится в справочниках: «Архитектуру он изучил на практике, участвуя в строительстве в Петербурге».

А теперь пойдём по Ленинграду. Начнём с того места, где высится монумент, давно уже ставший символом и эмблемой города, — «Медный всадник».

Пожалуй, лучше всего, если это произойдет нашей «белой ночью». Тогда вы воочию увидите перед собой «стройную громаду» колоссального здания с ярко-белыми колоннами на спокойно-желтом фоне стен, с черными статуями и с удивительно свободным полукругим ротондой, которой весь гигантский ансамбль сената и синода как бы вливается в речной простор Невы.

Это построил Карл Изаанович Росси.

Я поведу вас дальше...

Я помню: один иностранец, которого я привел на Дворцовую площадь, стоял, как бы оцепенев. Взгляд его медленно, точно не решаясь на большее, двигался по этой более чем полукилометровой дуге чистой архитектуры, по полукругию фасада Главного штаба. От Певческого моста до неправдоподобно прекрасной и удивительно построен-

ГЛУБОКАЯ МЫСЛЬ ВЕЛИКОГО ЗОДЧЕГО

К 200-летию со дня рождения Карла Росси

ной двойной арки с квадригой победных коней над нею и от нее до конца второго крыла, туда, где стены здания уходят на Невский проспект.

Мы намеревались с ним осмотреть в тот день «всего Росси». Но он закрутил головой. «О нет! — сказал он. — Это невозможно! Сегодня больше нельзя. Дайте мне отдохнуть от такого напора прекрасного»...

А завтра я показал ему ту улицу, которая так и названа ленинградцами: улица Росси. На сотни метров по обеим сторонам тихой улочки этой тянутся грандиозные здания: каждое из них есть как бы зеркальное отражение другого, и они возведены им.

Обернитесь лицом к северному концу улицы Росси. Он закрыт великолепным зданием Пушкинского театра. Мне не придется объяснять этого вам: театр тоже построен Росси. Не спеша, обогните его огромный куб, и на следующей за ним площади зодчий тоже не оставит вас. Правда, здесь уже не один он владыка; но вот налево строгое старое здание Публичной библиотеки — это он. А напротив, за тенистым садом — легкие павильоны Аничкова дворца — это снова он!

Пересечем Невский. Будем считать, что сюда мы пришли ранней весной, когда солнце в полдень светит нам в спину, а обнаженные деревья сквера на площади Искусств прозрачны и позволяют увидеть за их черным кружевом бывший Михайловский дворец, ныне Русский музей. Здесь тоже нет надобности говорить, в чьей голове родился, под чьими уверенными руками лег на белые листы ватмана проект этого дворца. Творения Росси никогда не нуждаются в подписи: они сами являются такой подписью.

Когда думаешь, при каких условиях лучше «смотреть Росси» в Ленинграде, не знаешь, на чем остановиться, на лето или на зиму. Разумеется, все те ансамбли, которыми я только что восхищался, прекрасны всегда, во все сезоны года.

Это знают фотографы: они снимают то Главный штаб позади заиндевевшего Александровского столпа-колонны; то сенат в минуты, когда за ним садится солнце весенних или, наоборот, осенних вечеров; то Русский музей сквозь узор блетающих листьев сада...

Но, конечно, именно легам надо поехать на Елагин остров по реке на теплоходике, чтобы уже с воды восхититься на первый взгляд и «непохожим» на знакомого Росси, загородным Елагиным дворцом на бархате полого зеленого холма.

Мне думается, что, пожалуй, самым важным чувством, которое возникает в душе у человека, впервые знакомящегося с чудесами ленинградской архитектуры, оказывается сознание того, что эти «дворцы и башни» не просто родились как прекрасные и для своего времени роскошно-удобные, служебные и парадные здания, но что за ними, за их бесконечно разнообразной перспективой встает напряженная и глубокая мысль зодчих, как облака из-за горизонта поднимаются клубы могучих и возвышенных чувств.

Когда вы смотрите на Казанский собор, гробницу Кутузова, вам не нужно, прозаически выражаясь, долго «ломать голову», чтобы понять и почувствовать: перед вами памятник Отечественной войне 1812 года, победам русского народа и его оружия. Это не странно: ведь так и был задуман этот храм, такое задание и было поставлено перед архитектором.

Но бродя по ленинградским улицам и «стогнам» от одного творения Росси к другому, вы, пожалуй, ни в каком руководителе не найдете указаний на то, что его великолепные здания были приурочены к таким-то и таким славным датам истории нашей, что Карл Иванович Росси был поставлен перед задачей выразить в камне гордую мысль России, России не царской, но народной, о ее необозримых возможностях, о ее безграничных силах.

И все-таки это так... Я живо помню одну белую ночь 1943 года — не знаю уж, какую по счету, — ночь ленинградской 900-дневной эпопеи.

Мы вдвоем с моим приятелем, флотским офицером, разговаривая на самые разные темы, возвращались к себе на Петроградскую, в Публит. Мы шли из полевой флотской почты: она помещалась в Адмиралтействе. И дойдя до половины Дворцовой площади, мы, не стовариваясь, умолкли и остановились. Тогда в западной части площади были еще незаровненные воронки от нескольких фашистских снарядов. Тогда еще с юга в ночной тишине доносился до нас глухой рокот недреманного фронта. И все-таки мы остановились не для того, чтобы вслушаться в этот гул, а для того, чтобы взглянуть в озаренное сразу двумя зорями — вечерней и утренней — чудо: полукружие Главного штаба. И чем дальше мы взглядывались в этот размах как бы двух титанических рук, обнявших площадь, тем рук, под прикрытием которых в свое время выплеснулась на эту площадь революция, тем заметнее ясныли наши лица.

Нет, тот мой товарищ не был ни искусствоведом, ни писателем. Вообще он был далеко не сентиментальным и не «утонченным» человеком.

— Ну что, товарищ капитан, — сказал он без длинных пояснений, — ну, кто у них там теперь, Манштейн, что ли? — Взять бы вот его, перенести сюда и показать на это. Небось бы перестал свое «хайль» кричать: понял бы, что слабо ему нас раздавить. Такой народ, такую силу!

Мы пошли дальше и не возвращались к этой теме. И я вернулся к ней вот только сегодня, тридцать два с половиной года спустя. И я думаю все-таки, что он, мой тогдашний собеседник, был прав: за сто лет до нас Росси смог выразить как раз то наше чувство — чувство ни с чем не сравнимой духовной мощи нашей страны и ее народа.

Лев УСПЕНСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.